МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ
ВАЛЕРИЙ РОЩИН
ПОДВОДНЫЕ ВОЛКИ

Морской спецназ

Валерий Рощин

Подводные волки

«Эксмо»
2011

Рощин В. Г.

Подводные волки / В. Г. Рощин — «Эксмо», 2011 — (Морской спецназ)

В российских северных водах вдруг начали гибнуть корабли – самым таинственным образом. Подняв архивы, специалисты из Федеральной службы безопасности выяснили, что подобные «эпидемии на море» происходили в акваториях Баренцева и Карского морей с подозрительной цикличностью – каждые шесть лет. Причем гибли не только наши суда. Что же происходило все эти годы и продолжается в наши дни? Нападения загадочных пиратов? А может быть, это некое паранормальное явление? Капитану 2-го ранга Евгению Черенкову, командиру элитного отряда боевых пловцов, поручено начать «охоту за призраком»…

© Рощин В. Г., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог 5
Часть I 9
Глава первая 9
Глава вторая 13
Глава третья 19
Глава четвертая 26
Глава пятая 31
Глава шестая 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Валерий Георгиевич Рощин
Подводные волки

Пролог

Баренцево море

1951 год

Ночью в душной тесноте Матвей метался от снившихся кошмаров. Вроде бы должен был ко всему привыкнуть за время допросов, этапов, лагерной чехарды. Нет же – опять задыхался и кричал, опять больно ударился локтем о твердый и холодный предмет. Видно, из-за этих снов не сразу ощутил близость смерти, когда судно содрогнулось от жахнувшего в соседнем отсеке взрыва.

Сказать, что взрыв был мощный, – не сказать ничего. Старенький транспорт словно наткнулся полным ходом на банку и взмыл метра на три-четыре. В трюме все перемешалось: тела, подстилки из худой одежки, бачки с парашей. Вслед за хлопком оглушила какофония звуков: грохот, скрежет металла, вопли, пронзительный гудок гибнущего «Вельска»…

Вскочив, Матвей зашарил в темноте руками.

– Что случилось?! Мы напоролись на мину?

Голос потонул в шуме и криках. Да и что толку было спрашивать у таких же, как он сам?

Определив по памяти направление, Матвей стал пробираться к трапу. Где-то на середине пути он вдруг отчетливо понял: судно дало опасный крен и вот-вот ляжет на правый борт…

Сутками ранее небольшой пароход «Вельск» отшвартовался от причалов архангельского порта и вышел через Двинскую губу в Белое море. В тесном трюме кое-как разместились сто одиннадцать заключенных, коим «подвезло» разменять относительно мягкий климат Мехреньгского лагеря на ледяные ветры Новой Земли. Поговаривали, будто в тамошних неприветливых скалах затевалась большая стройка, и требовалось много рабочей силы.

Ровно через час тем же маршрутом вышел транспорт солидного дедвейта с топливом, продуктами, пресной водой, теплой одеждой и лесоматериалами для строительства бараков. На траверзе Мезенской губы суда встали в походный ордер и направились на северо-восток. Оба транспорта были зафрахтованы руководством ГУЛАГа Архангельской области, конечным пунктом маршрута в документах значился новоземельский поселок Белушья Губа.

Погодка несколько дней держалась знатная – штиль, редкие высокие облака и отличная видимость. Используя благоприятные условия, капитан пообещал доставить «груз» до пункта назначения за пятьдесят часов. Исходя из этого срока, начальство расщедрилось, выделив на переход полтора десятка мешков с сухарями и несколько бочек с водой.

В полдень конвойные выгнали заключенных на палубу, бросили им три мешка и выкатили бочку с водой. Это было подобие обеда, после которого разрешалось пять часов посидеть на палубе. Затем последовал ужин из тех же «роскошных» блюд и резкий окрик главного вертухая, приказывавшего возвращаться в душный трюм.

Спускаясь по осклизлым ступеням, Матвей улыбнулся в темную духоту. Вроде и радоваться было нечему, ведь жизнь стала на сутки короче. А с другой стороны, вместе с жизнью укоротился и семилетний срок заключения, пять из которых остались уже в прошлом.

«Еще каких-то два года! Два года, и я обрету свободу, – пробирался он поближе к центру переборки, где меньше ощущалась бортовая качка. – Сыну скоро исполнится семь, а я ни разу его не видел. Ни разу…»

Трюм стремительно заполнялся морской водой еще до того, как судно легло на правый борт. Зэки метались по пояс в воде, барабанили кулаками по переборкам и кричали, требуя выпустить их на палубу… Тщетно – никто не торопился отпирать овальную дверцу у верхней ступеньки трапа.

Когда же транспорт перевернулся, воздуха в трюме осталось катастрофически мало. Началась жуткая неразбериха и паника, усугублявшаяся абсолютным мраком. Каждый норовил взобраться повыше – к спасительному воздушному пузырю, толщина которого с каждой секундой убывала.

Прослужив несколько лет офицером военно-морского флота, Матвей отлично плавал. «Скорее всего, напоролись на старую мину, – решил он, сбрасывая вмиг отяжелевшую телогрейку и обувь. – Вода поступает через пробоину или трещину в корпусе по правому борту. Значит, нужно ее найти и попытаться выбраться наружу…»

Набрав в грудь побольше воздуха, он нырнул и, продираясь сквозь тела погибших, двинулся вниз…

Первая попытка закончилась неудачей. Трюм казался чрезвычайно тесным для перевозки сотни человек, но в абсолютном выражении его внутренний объем все же был приличным.

Вернуться наверх к жалким остаткам воздуха становилось все сложнее. Те, кто вдыхал эти остатки, не желали без борьбы уступать свое место. Лишь с третьего раза Матвею удалось прорваться к так называемому пузырю толщиной не более пятнадцати сантиметров. Он дышал тяжелым влажным воздухом, слушал истошные крики товарищей по несчастью, ощущал беспорядочные эволюции корпуса тонувшего парохода и кривил губы, усмехаясь очередному «подарку» судьбы. Буквально несколько часов назад он радовался прожитому дню и спокойному ночному отдыху, а сейчас не взялся бы предположить, сколько минут отпущено Богом.

«Нужно искать пробоину, – сделал Матвей глубокий вдох. – Если не найду, то останусь в этом трюме навечно. И уже никогда не увижу жену и сына…»

Он отсидел в советских лагерях долгих пять послевоенных лет. Осужден был в апреле сорок шестого – ровно через год после освобождения из концентрационного лагеря Дахау. В немецких застенках и научился радоваться каждому прошедшему дню и предстоящей ночи – самому благословенному времени в любой неволе.

Первые годы в ГУЛАГе душила обида. Как же так?! Тысячи людей попросту перемещались из немецких лагерей в советские. Без суда, без справедливого следствия… Однако в последнее время обида уступила место страстному желанию поскорее возвратиться к нормальной жизни. Он готов был провести эти два года где угодно: в воркутинских лагерях, в норильских, в пермских, даже на голых скалах Новой Земли, где, по слухам, приходилось крайне туго, – лишь бы не схлопотать дополнительный срок, освободиться и увидеть близких людей.

Правая ладонь наткнулась на рваные края листов металла примерно через минуту. Запас кислорода в крови имелся, однако под водой предстояло сделать многое: найти приемлемую по размерам дыру, выбраться через нее наружу, а затем усиленно работать конечностями, всплывая на поверхность.

«Не успею, – ощупывал Матвей пробоину. – Придется возвращаться, иначе задохнусь, едва сунусь туда».

Найденное им было не самой пробоиной, а длинной щелью между краями лопнувшей от взрыва металлической обшивки. Сама дыра, проделанная в борту ниже ватерлинии неизвестным взрывным устройством, находилась где-то дальше – за пределами трюмного отсека. Это стало понятно, когда Матвей, двигаясь вдоль щели и оценивая ее ширину, внезапно уперся плечом в поперечную переборку.

«Если постараться, то пролезу», – решил он и рванул к воздушному пузырю.

Не тут-то было. Пузырь почти исчез – наверху плавали тела мертвых зэков, а в угол отсека несколько оставшихся в живых никого не подпускали.

Получив пару ударов тяжелой зэковской обувью и не сумев пробраться к воздуху, Матвей ответил столь же жестко: схватил кого-то за ноги и потянул вниз…

То, что он вдохнул после короткой борьбы, уже нельзя было назвать воздухом – азот и углекислый газ, изрядно сдобренные удушающей влагой.

Помимо Матвея, в углу из последних сил копошились еще несколько человек. Никто не кричал, никто не звал на помощь – люди просто доживали последние минуты.

– Парни, я нашел внизу узкую щель, – сдавленно прошептал бывший краснофлотец. – Кто хочет отсюда выбраться – айда за мной! Только не толкаться и соблюдать очередность – иначе погибнем все…

Он не знал, сколько человек последовали за ним во мрак затопленного трюма. Просто ушел вниз – к самому широкому месту образовавшейся щели. Отыскав ее, не раздумывая, юркнул в пасть искореженного металла и тут же зацепился одеждой за острый край.

«Черт! – уперся руками Матвей в корпус снаружи. – Ну, давай же! Давай!!»

Кажется, вместе с зэковской робой порвалась и кожа на животе. Но это неважно. Главное, что он выскользнул из идущего ко дну судна. Мало того, успел выдернуть из узкой трещины еще двух человек. И лишь после этого устремился вверх – туда, где колыхалась бирюзовая поверхность Баренцева моря, освещенная косыми лучами северного солнца.

Душа трепетала от счастья. Надо же! Выжить в такой непростой заварушке – это вам не солянку на камбузе сварганить!..

Пока зэки отчаянно гребли к поверхности, очевидные вопросы дальнейшего выживания душу не тревожили. Трое мужчин были счастливы, выбравшись из жуткой западни, и в эти мгновения хотели только одного – поскорее добравшись до поверхности, вдоволь надышаться свежим воздухом.

Матвей первым вырвался из морской пучины. С громким хрипом вобрав в себя воздух, он откашлялся и помог удержаться на поверхности всплывающим товарищам. Лишь после этого огляделся по сторонам.

Метрах в сорока на мелкой волне колыхалась деревянная шлюпка, основательно набитая моряками с «Вельска» и охранниками. Молодой парень, спасенный Матвеем, вскинул руку, подзывая их.

Куда там! Перегруженная шлюпка едва не цепляла бортами воду – никто из ее пассажиров даже не собирался повернуть к несчастным.

«Плохо дело, – подумал бывший капитан-лейтенант. – В такой холодной водице нам не продержаться и часа».

Однако случившееся через минуту повергло в шок и заставило скорректировать оставшееся до смерти время. Буквально в одном кабельтове вода внезапно вскипела, забурлила.

– Что это? Что за черт?! – обеспокоились зэки.

– Подлодка, – догадался Матвей.

– Наша?

– А чья же? – нашел он силы засмеяться. – Это же наше море! Наши территориальные воды!

– Значит, скоро согреемся, – прошептал дрожащими от холода губами молодой светловолосый парень.

– Спасены, – вторил другой.

Радостно закричали, замахали руками и многочисленные пассажиры шлюпки. И только Матвей, хорошенько приглядевшись к силуэту рубки, не выразил восторга…

Часть I
Открытие генерала Горчакова

Глава первая

Российская Федерация, Москва,

Лубянская площадь

Наше время

– Большинство друзей, Евгений, умирают еще при жизни. Зато единицы выживших навсегда поселяются в сердце, – сказал на прощание босс, оформляя короткий отпуск, и отправился на шестидесятилетний юбилей к старому товарищу в Мурманск.

«Интересная мысль», – пожал я плечами и порадовался предстоящему отдыху от въедливой персоны моего престарелого начальника.

Звали его Сергей Сергеевич Горчаков. Он долгое время руководил очень серьезным департаментом Федеральной службы безопасности и носил звание «генерал-лейтенант». Честно сказать, из-за пристрастия Горчакова к штатским костюмам генеральских погон на его плечах я не видел ни разу в жизни.

Увы, отдохнуть не довелось. Сизифов труд – пытаться расслабиться, если босс находится на одном с тобой континенте, да еще ближе тысячи морских миль.

Вскоре моя мобилка пронзительно заверещала, экран высветил ненавистный номер, а динамик вкрадчиво спросил зловещим тенорком:

– Соскучился?

Примерно так миллион лет назад спрашивал тираннозавр у загнанной и обессиленной жертвы.

Соврать не получилось:

– Нет.

– Вот как! Жаль… – В голосе старика послышалась обида, и я поспешил исправиться:

– Вас встретить?

– Не надо – уже подъезжаю к Лубянке. Загляни завтра утром. Есть небольшой разговор…

Вздохнув, я нажал «отбой».

Знал я эти «небольшие разговоры». Начнет за здравие, а в конце заставит жрать кутью…

– Однажды я сделал интересный вывод: любой символ технической победы Советского Союза, бережно сохраненный для потомков на постаменте или в музее, лучше тысячи слов говорит о величии ушедшей эпохи…

Было десять утра. Мы сидели в кабинете Горчакова на Лубянской площади. Хозяин кабинета выглядел, как всегда, подтянутым, свежим, чисто выбритым. Одет он был в костюмчик замшелого советского интеллигента, пахнущий табаком и ядреной туалетной водичкой.

Он много курил и начал разговор с таких далеких материй, что угадывать, куда приведет тропинка философских рассуждений, – бессмысленное и неблагодарное занятие.

– …К сожалению, этих символов осталось ничтожно мало. Ракета «Восток» в Самаре, крейсер «Михаил Кутузов» в Новороссийске, подводная лодка К-21 в Североморске и атомный ледокол «Ленин» у мурманского морвокзала…

Я все понял: увиденное в Мурманске навеяло воспоминания. Накипело, наболело, чирей созрел и требовал прорыва. Тут я и подвернулся.

Горчаков был небольшого росточка и щуплого телосложения. Короткие седые волосы обрамляли лицо с правильными чертами. Кожа от большого количества ежедневно выкуриваемых сигарет тонка и почти бесцветна. Однако внешность мало перекликалась с внутренним содержанием. При некоторых недостатках характера Сергей Сергеевич оставался настоящим спецом, воспитанным в старой доброй школе контрразведки КГБ.

– …А подобру надо было многое сохранить для будущих поколений. К примеру, неплохо бы возвратить первый советский авианосец «Киев», проданный за бесценок в Китай для парка аттракционов; в Каспийске отремонтировать и установить на постамент единственный в мире экраноплан «Лунь», вооруженный комплексом противокорабельных ракет; в Петербурге создать музей на первой в СССР атомной подлодке К-3…

Что-то моего сухопутного босса реально потянуло к флоту. Не к добру.

О его способностях можно говорить часами, но я обойдусь короткой ремаркой: Горчаков не имел ничего общего с большинством армейских служак, для которых существует два мнения – свое и неправильное. К тому же его высочайшие профессиональные качества были щедро приправлены незаурядным умом и бесценным опытом.

– …Меня всегда удивляло одно малоприятное и совершенно необъяснимое свойство представителей русской цивилизации: в какой-то момент они вдруг остервенело крушат собственные символы. Иногда за деньги, а чаще – безо всякого смысла. Спустя десятилетия осознают допущенную глупость и с долгим упорством восстанавливают фрагменты утраченных ценностей. И так происходит из века в век…

– Сергей Сергеевич, если не ошибаюсь, вы привезли из Мурманска нечто интересное?

Видя, что «аудитория» проявляет рассеянный интерес, старик потянулся за сигаретами.

– Верно, привез. Я знаю тебя как облупленного, но и ты успел изучить мои повадки. Ладно, хватит лирики. Переходим к делу…

– Нет, в течение шести лет после войны суда в тех районах не тонули и не пропадали. По крайней мере, сведений о подобных случаях у нас нет.

Услышав странные предположения Горчакова, я хотел было поинтересоваться, как много он злоупотребил спиртным в Мурманске. Но по этическим соображениям промолчал – как ни крути, а я гожусь ему в сыновья.

– А знаешь, когда у меня зародились сомнения? – пожевав тонкими губами, спросил он.

– Понятия не имею.

– Во время изучения твоего личного дела.

Я обалдело посмотрел на старика. Цензурные слова на ум не шли, потому я ничего не ответил, только молча заскрипел зубами.

– Один из твоих родственников погиб в пятьдесят первом, верно? – не заметил босс моего «теплого» взгляда.

– Вы же о его гибели знаете лучше меня. Чего же спрашиваете?

– Не кипятись. Твой дед – честный человек, и его давно реабилитировали, восстановили в партии, в офицерском звании, вернули все награды, – примирительно захрустел он пачкой сигарет.

Я не смог удержаться от эскапады:

– Ну, это наша национальная черта: вначале сгноить человека, раздавить, утопить в дерьме, а после его мучительной смерти возвести огромный памятник, написать красивую эпитафию и петь дифирамбы! – говорил я ясно и отчетливо, словно раздавал по щелбану каждому виновнику гибели моего героического деда. Наверное, именно так и должна звучать настоящая правда.

Возразить на мой выпад было нечем, и шеф повернул беседу в деловое русло:

– Он ведь на «северах» погиб – в Баренцевом море, верно?

– Где-то там. При пересылке из одного лагеря в другой.

– Вот-вот. По официальной версии, два гражданских судна, перевозившие грузы и заключенных из Архангельска на стройку новоземельского ядерного полигона, подорвались на старых немецких минах. А на самом деле… – Вздохнув, Горчаков замолчал.

– А что на самом деле?

– Я поднял кое-какие архивные документы. Покопался, почитал… На самом деле произошло следующее: в район предполагаемой гибели парохода «Вельск» и сухогруза был послан тральщик, прочесав район, он нашел десяток пустых металлических бочек, обломки деревянного такелажа и шлюпок, спасательные круги и жилеты. А самое главное – несколько мертвых тел.

Я весь напрягся, ожидая услышать нечто для меня важное.

Но Сергей Сергеевич покачал головой:

– Нет, твоего деда среди них не было. Зато все поднятые на борт тральщика тела были буквально напичканы пулями.

– Пулями?! Значит, их расстреляли?

– Выходит, так. Причем пули были от патрона «парабеллум» калибра девять миллиметров, используемые в немецких пистолет-пулеметах МР-40.

– Это ни о чем не говорит, – пожал я плечами. – Мало ли немецкого стрелкового оружия оставалось на руках в послевоенные годы…

– Согласен, но это не главное. Кому, скажи на милость, понадобилось топить суда и добивать из немецкого оружия выживших людей?

Я промолчал, так как ответа у меня не было.

– То-то же, парень. Есть в том происшествии что-то необычное, интересное. И потом, гибель «Вельска» и сухогруза – это только начало длинной истории. – Горчаков снова раскурил сигарету. – Позже пропал норвежский рыболовецкий бот в ста милях к северу от полуострова Варангер. Затем при загадочных обстоятельствах погиб вместе с командой наш траулер. Следующими опять стали норвежцы – неподалеку от Шпицбергена затонуло судно богатой туристической компании. После настал черед Карского моря – там, также по невыясненной причине, сгинуло судно РТ-611…

Генерал по памяти озвучивал перечень трагедий, а я не мог сдержать снисходительной улыбки, ибо не понимал его внезапной озабоченности. Да, происшествие с «Вельском» загадочно, но все остальное на сенсацию не тянет – в море иногда случаются трагедии: тонут по разным причинам суда, гибнут люди. Никуда не денешься – издержки опасной профессии.

Сергею Сергеевичу надоела моя ухмыляющаяся физиономия, он достал из ящика стола какой-то листок и нацепил на нос очки.

– Вижу, озвученная информация тебя не возбуждает. В таком случае перехожу к главному.

Наконец-то! А начать с него было слабо?

– В послевоенные годы в северных морях действительно наблюдалось затишье: ни аварий, ни катастроф, – повторил он, вооружившись карандашом. – «Вельск» пропал спустя шесть лет после победы. С того момента и начались странности.

– Какие странности? – не сдержался я от сарказма. – О чем вы? Корабли гибнут во всех судоходных районах, а не только на Крайнем Севере. Поймите, морской транспорт подчинен той же элементарной закономерности, что и транспорт сухопутный: нет трассы – нет дорожных происшествий, построили трассу, пустили поток – получите статистику ДТП. Просто сразу после войны нам и по морям-то ходить особо было не на чем, вот и не тонули. Или вы имеете в виду что-то другое?

Горчаков укоризненно посмотрел на меня поверх толстых линз и продолжил:

– Происшествий с судами в акваториях Баренцева и Карского морей довольно много, причины одних ясны как день, других – не установлены до сих пор. Так вот, странность заключается в следующем: катастрофы, причины которых остались загадкой, происходили и происходят с одним и тем же интервалом. Каждые шесть лет. Вот, полюбуйся… – Он подвинул ко мне листок.

Я нехотя стал вникать в список погибших или исчезнувших кораблей. Напротив каждого значились дата трагедии и короткое описание обстоятельств гибели. Если таковые, конечно, были известны. Изучив материал, вернул боссу справку. Сарказма слегка поубавилось, но сомнений хватало. Мало ли в жизни совпадений!

– И, наконец, последнее, – пустил он в ход главный козырь. – В тех редких случаях, когда дело доходило до попыток выяснить причины катастроф, водолазы находили очень серьезные повреждения судовых корпусов. Мне ты не поверишь – я не специалист. Зато профессионалы в один голос утверждали, будто видели последствия атаки подводной лодки. Кстати, это касается и гибели «Вельска».

– Подводной лодки?! Кому это нужно – атаковать небольшие гражданские суда, да еще на краю света – в холодных северных морях? Американцам? Англичанам? Японцам? Чего ради устраивать партизанскую войну на море?

– А вот в этом тебе и предстоит разобраться.

– Мне?!

– Тебе и твоему славному отряду боевых пловцов.

– Сергей Сергеевич, неужели для нас не найдется более серьезных и конкретных дел?

– Черенков, у тебя что было в школе по арифметике?

– Не помню.

– Тогда смотри сюда. – Горчаков снова взял лист и обвел карандашом дату последней катастрофы. – Усек? Логику прослеживаешь?

Усек. Прослеживаю. В последний раз трагедия произошла недалеко от Шпицбергена – огромную пробоину в балластном баке вследствие взрыва получило немецкое круизное судно. Пассажиры эвакуированы, лайнер остался на отмели в притопленном положении. Причины взрыва не установлены, однако в первую же ночь после трагедии с судна загадочным образом исчез весь запас продуктов и почти половина дизельного топлива. И, наконец, дата столь неординарного происшествия – 22 августа 2005 года. То есть ровно шесть лет назад. Значит, если в предположении Горчакова имеется рациональное зерно, в этом году должно снова что-то произойти.

– Молчишь? – победно взглянул на меня шеф. – Вот и я растерялся, вычислив эту страшную закономерность.

– Что же вы предлагаете?

– Ну, по крайней мере, заставлять вас до конца года патрулировать Северный Ледовитый океан я не намерен.

– Тогда что?

– Догадайся сам.

Давно догадался. Придется мне с товарищами на пару-тройку недель отправиться туда, где снег лежит круглый год и никто его не чистит.

Глава вторая

Германия, военный порт Ростока

Балтийское море,

двадцать миль северо-западнее Варнемюнде

2 – 3 марта 1945 года

Командующий флотилией, командир береговой обороны, военно-морской комендант района, военный капитан порта и еще десяток морских офицеров, оставшихся на одном из пирсов порта Ростока, печально глядели вслед уходящей на север подлодке. В сумерках еще долго было видно ее черную обтекаемую рубку с белыми цифрами бортового номера «3519».

Близился финал затяжной и самой жестокой войны. Потери Кригсмарине ужасали: если за четыре первых года боевых действий на море германский флот потерял полторы сотни подлодок, то за 1943–1944 годы из походов не вернулось около пятисот субмарин. Фактически после второго боевого похода погибали восемь подлодок из десяти. Поэтому никто из топтавшихся на пирсе офицеров не надеялся снова увидеть этот корабль. Миновав пролив длиной в одну милю, он вышел из канала в Мекленбургскую бухту и медленно исчез в сизой дымке, покрывавшей Восточную Балтику с середины февраля…

U-3519 являлась сверхсовременной подлодкой XXI серии, построенной на верфи в Данциге. Спуск на воду был осуществлен в конце 1944 года, далее следовали трехмесячные испытания и боевая подготовка. Даже катастрофические неудачи в конце войны не сломали этого незыблемого порядка, сегодняшний выход в море – боевое крещение и для судна, и для недавно сформированного экипажа.

Темнело. Корабль окончательно исчез из виду.

Несмотря на торжественность мероприятия, все пришедшие на пирс офицеры предпочли надеть теплые маскировочные куртки, а не строгую черную форму – очевидно, сказывалась усталость и стыд за проигрываемую войну. Провожавшие докуривали сигареты и ждали команды молодого контр-адмирала – посланца самого Карла Дёница. Не замечая пронизывающей сырой прохлады, он задумчиво глядел на россыпь мелких огней Варнемюнде. Всего полчаса назад контр-адмирал выполнил возложенную на него миссию: вручил командиру подлодки два секретных пакета. Первый тот обязан вскрыть в пяти милях от берега, второй – через восемь суток. Ровно столько понадобится подлодке, чтобы дойти до места назначения.

– Как скоро вы обратно в Берлин? – негромко поинтересовался командующий местной флотилией – рослый фрегаттен-капитан.

Контр-адмирал глянул на запястье и, не оборачиваясь, бросил:

– Через полчаса.

– Не желаете ли поужинать перед дорогой?

– Благодарю. В автомобиле есть термос с крепким кофе.

По прошествии получаса к причалу подкатила машина. Посланник гросс-адмирала попрощался с каждым из офицеров и медленно подошел к распахнутой дверце. Однако вместо того, чтобы забраться в теплый салон, снова потянул из кармана сигарету…

«Будто не торопится. Будто чего-то ждет, – подумалось фрегаттен-капитану. – Поскорее бы уезжал. И ему лучше, и нам спокойнее…»

Машину начальника штаба флотилии он узнал издалека, стоило той поднырнуть под приподнятый шлагбаум.

– Опять что-то случилось, – прошептал командующий. – В последнее время начальник штаба приносит исключительно плохие вести.

Так и вышло. Машина резко затормозила, выскочивший из салона корветтен-капитан замер в пяти шагах и обратился к старшему по званию:

– Господин контр-адмирал, пришло сообщение с радиопоста.

– Говорите, – резко обернулся тот.

– Подлодка… Подлодка U-3519 только что подала сигнал бедствия.

– Что с ней?

– Предположительно подорвалась на английской авиационной мине. Несколько дней назад над Мекленбургской бухтой летала пара бомбардировщиков и…

Адмирал швырнул в сторону окурок:

– А, ч-черт!! Немедленно организовать поиски!

Подав сигнал бедствия, подлодка на запросы по радио не отвечала и сама на связь не выходила. Поиски начались поздней ночью. Вначале руководство поисковой операцией принял на себя контр-адмирал. Однако несколько часов спустя в Росток прибыла группа высших офицеров из Берлина во главе с заместителем Карла Дёница – хмурым и молчаливым генерал-адмиралом.

Уже утром следующего дня экипаж самолета-разведчика заметил надувную шлюпку в восемнадцати милях северо-западнее Варнемюнде. Спустя час посланный в указанную точку тральщик поднял из шлюпки трех моряков – единственных членов экипажа, сумевших выбраться из тонущей субмарины U-3519, все трое в крайне тяжелом состоянии из-за переохлаждения. Двое, не приходя в сознание, скончались; третий выжил, но его психическое состояние было плачевным: он не мог связать и двух слов, выдавая малопонятные обрывки, из которых командование Кригсмарине с большим трудом смоделировало картину гибели гордости немецкого подводного флота.

Тральщики еще несколько дней «утюжили» западную акваторию Балтийского моря в надежде найти следы подлодки, указывающие на точное место катастрофы. Экипажи осмотрели огромное пространство, от датского острова Борнхольм до Кильской бухты, но больше никого не нашли. Ни одного человека из семидесяти пяти, бывших на борту.

Иногда на поверхности попадались огромные масляные пятна, обломки деревянных ящиков, предметы обмундирования и даже листы из судового журнала… Увы, все это несло по Балтике безжалостным течением и не позволяло точно рассчитать координаты подрыва подлодки.

Пятого марта – ровно через трое суток после получения сигнала бедствия – поисковая операция завершилась. Составив подробный отчет о происшествии, генерал-адмирал сухо попрощался с командованием местной флотилии и отбыл в Берлин.

Массовый исход фашистской элиты состоится в апреле – мае 1945 года – подводные лодки одна за другой будут исчезать из Киля и Гамбурга. А спустя некоторое время тысячи нацистов высадятся на берегах Чили, Перу, Бразилии, Уругвая, Аргентины. И уже во второй

половине 1945 года в крупнейших городах Южной Америки откроются многочисленные германские банки и компании.

Однако далеко не все немецкие субмарины отправятся через Атлантику, выполняя хоть и скрытные, но довольно простые перевозочные функции. Некоторым подводным кораблям надлежало тайно добраться до заранее обустроенных секретных баз и встать на длительное дежурство, ожидая сигнала к активным боевым действиям для возрождения великого Рейха. Сигналом должно было послужить закодированное радиосообщение на рабочей волне Кригсмарине. Каждому командиру подлодки эта волна была хорошо известна, но ни один из них не догадывался, когда начнется Великое Возрождение. «Как долго нам предстоит ждать? – задавались вопросом подводники после ознакомления с текстом приказа из пакета № 2. – Пять, десять, двадцать лет? Или всю оставшуюся жизнь?…»

На мостике боевой рубки стоял командир подводной лодки – молодой капитан-лейтенант Хайнц Мор. Хайнц был симпатичным шатеном лет двадцати шести, с голубыми глазами, прямым носом, тонкими губами и волевым подбородком. Как сказали бы прожженные нацистские физиономисты: он обладал идеальной внешностью арийского мужчины. Ну, если не считать небольшого родимого пятна в форме оливки на левой скуле. Впрочем, эта «оливка» чаще пряталась в зарослях рыжей бородки, которую капитан-лейтенант отращивал в каждом боевом походе.

Рядом с ним, не выпуская из рук бинокля, торчали два лейтенанта цур зее: штурман Людвиг Ланге и первый вахтенный офицер Отто Шнайдер. Обоих командир неплохо знал по предыдущим походам на других кораблях.

Субмарина миновала узкий пролив, вышла в Мекленбургскую бухту и взяла курс на датский пролив Большой Бельт. Вечерние сумерки сгустились, до наступления темноты оставались считаные минуты, но бортовые огни капитан приказал не включать. Командование специально выбрало позднее время для выхода в восточную часть Балтики – в последний год войны сюда слишком часто наведывались английские и американские бомбардировщики. Вокруг порта и авиазавода Эрнста Хейнкеля дежурили зенитные расчеты, а в мелководных балтийских проливах от проклятых самолетов мог спасти только ночной мрак.

– Сколько миль от берега? – нащупал командир в кармане серой кожаной куртки два запечатанных конверта.

– Три с половиной мили, герр капитан, – доложил штурман.

«Рано, – решил капитан. – Еще полторы мили. Подождем…»

Все немецкие подлодки предыдущих серий ни в чем не уступали американским, английским и русским субмаринам. Зато подводные корабли XXI серии стали настоящим прорывом, оставив далеко позади западных и восточных конкурентов. По сути, это были первые океанские подводные лодки.

Почти две тысячи тонн водоизмещения, новейшие дизели с турбонаддувом, мощные электродвигатели с бесшумным режимом «подкрадывания», большое количество аккумуляторных батарей вместо цистерн с пергидролем, великолепная навигация… Эти и другие новшества дали потрясающий результат: глубину погружения до двухсот восьмидесяти метров, семнадцать узлов подводной скорости и одиннадцать суток движения малым ходом без подъема телескопического шноркеля. А система кондиционирования, водоопреснительная установка, множество холодильников с продуктами, объемные топливные цистерны и шесть торпедных аппаратов с боезапасом из двадцати трех торпед существенно расширяли боевой радиус действия. Кроме того, перекомпоновка прочного корпуса позволила отказаться от системы «теплых» коек, когда один матрос возвращался с вахты, будил своего сменщика и устраивался на освободившееся место. На лодках XXI серии каждый подводник получал индивидуальное пространство для отдыха. Одним словом, новейшее оружие обладало всеми необ-

ходимыми качествами для перелома ситуации в битве за Атлантику и северные моря в пользу Германии.

– Герр капитан, – нарушил тишину вахтенный офицер.

– Да.

– Вы просили предупредить: мы в пяти милях от берега.

– Спасибо, Отто. Оставайтесь здесь…

Соскользнув вниз по трапу, капитан-лейтенант прошел в капитанскую каюту, включил лампу над крохотным рабочим столом, отпер сейф и вскрыл пакет № 1.

– Двадцать миль к северо-западу от Варнемюнде, – прочитал он первую строчку боевого распоряжения, отпечатанного на небольшом бланке.

Ниже имелась вторая строчка, состоящая из координат точки, куда надлежало прибыть субмарине под номером «3519» после исполнения первой задачи. Запомнив цифры, командир щелкнул бензиновой зажигалкой. Языки пламени затрепыхались на скомканной бумаге…

Спустя минуту он разыскал одного из гражданских членов экипажа – профессора Нойманна.

– У вас ровно час на подготовку, – вполголоса оповестил он врача. – Успеете?

– Конечно, – ответил тот. – У нас все готово…

В последние годы состав подплава Третьего рейха резко помолодел: средний возраст экипажа едва переваливал за двадцать. В начале войны субмаринами командовали корвет-тен-капитаны, в середине – капитан-лейтенанты, ближе к завершению – обер-лейтенанты цур зее. Подводник, доживший до двадцати семи лет, считался морским волком.

Экипаж U-3519 формировался несколько иначе. Командиром был назначен опытный капитан-лейтенант Хайнц Мор, уничтоживший два десятка боевых кораблей и транспортных судов союзников, прошедший вдоль и поперек всю Атлантику, а также все северные моря, от Исландии до Таймыра. Его шею украшал Рыцарский крест с дубовыми листьями, полученный лично от фюрера в сорок втором за невероятный случай в Восточной Атлантике. Командуя небольшой устаревшей подлодкой, Хайнц обнаружил недалеко от Гибралтара одиночный торговый корабль под английским флагом. Он начал маневрировать для атаки, но судно вело себя странно: шло зигзагом, то приближаясь, то удаляясь от лодки. Командир решил всплыть, чтобы не тратить торпеды и расстрелять цель из артиллерийского орудия, но в последний момент интуиция подсказала не делать этого. Наконец две торпеды удачно поразили транспорт. Получив тяжелые пробоины, «англичанин» задрал нос, накренился и постепенно ушел под воду… А Мор с изумлением увидел сквозь оптику перископа хорошо замаскированные два десятка артиллерийских орудий и огромный запас глубинных бомб. Несколько подобных кораблей-ловушек специально бороздили воды Северной Атлантики, привлекая своей «безоружностью» внимание немецких подводников, а потом безжалостно расстреливали из мощных орудий всплывшие неподалеку субмарины. К счастью для экипажа, Мор устоял перед соблазном сэкономить торпеды.

Старшим помощником значился обер-лейтенант цур зее Рудольф Кляйн, совершивший один поход в Атлантику в качестве командира «дойной коровы» – подлодки XIV серии, перевозившей свыше четырехсот тонн дополнительного дизельного топлива, запас торпед и продовольствия. Первым вахтенным офицером стал лейтенант цур зее Отто Шнайдер – потомственный моряк, награжденный за храбрость Железным крестом первого класса. Остальные подводники, прибывшие в пункт формирования, также имели боевой опыт и определенные качества, необходимые для продолжительного похода.

И все же экипаж капитан-лейтенанта Мора не сумел избежать суеты, неразберихи и нервотрепки при подготовке к первому выходу в море на новейшей подлодке. Не проходило и дня, чтобы командование не тасовало подводников и чтобы одни туманные задачи не менялись

другими. Окончательный вид команда приобрела лишь за несколько часов до выхода в первый боевой поход. Состав ее выглядел необычно: вместо штатных пятидесяти семи подводников на борту оказалось аж семьдесят восемь человек.

– Вы подсаживаете ко мне целый взвод «гувернанток»? – возмутился Мор в последнем разговоре с провожавшим адмиралом. – По штату должно быть пятьдесят семь подводников! Почему на борту моей лодки семьдесят восемь человек? Кто эти люди?…

«Гувернантками» в Кригсмарине называли опытных старших офицеров, прикрепляемых к только что сформированным экипажам на время первого боевого выхода.

– Нет, дорогой Хайнц, – успокоил тот, – эти специалисты к флоту отношения не имеют, следовательно, контролирующих и руководящих функций нести не могут. Ты назначаешься старшим на весь срок боевой операции…

«Пассажиры» и в самом деле не были похожи на военных. Данная группа прибыла на лодку незадолго до выхода и держалась особняком, избегая общения с военным контингентом экипажа.

Итак, субмарина успешно вошла в Балтийское море. В центральном посту нес вахту старший помощник Рудольф Кляйн – спокойный, исполнительный и надежный офицер. Рядом «колдовал» над планшетом штурман Людвиг Ланге.

За десять минут до истечения означенного часа в каюту капитана постучали.

– Да, – резко сдвинул он дверь.

В проходе стояли два врача.

– У нас все готово. Можно перетаскивать тела из носового отсека и поднимать на палубу.

Командир отдал несколько распоряжений, прошел через центральный пост, поднялся в рубку и вышел на палубу. Снаружи, под тусклым светом единственного фонаря, кипела работа.

Небольшая резиновая лодка была наполнена воздухом и покачивалась рядом, прижатая волной к борту. Команда матросов во главе со штабсобербоцманом готовилась к большому представлению. Врачи спешно переодевали трех молодых мужчин в морскую униформу. Все трое почти не подавали признаков жизни.

– Это они? – поинтересовался командир.

– Они, – кивнул один из врачей.

– Спят?

– Да, и очень крепко. Двое уже не проснутся, а третий выживет, но никогда и ничего не скажет.

– Уверены?

– Абсолютно. Вы же успели с ним познакомиться, не так ли?

Да, капитан-лейтенанту «посчастливилось» увидеть этого несчастного, когда врачи вели его под руки на борт субмарины. Кажется, его отыскали в ближайшем концлагере. Этот тип и до введения специальных препаратов выглядел лишенным воли, слабоумным, а уж после обработки, скорее всего, и говорить не сможет.

Много странностей было и в подготовке к будущему походу.

К примеру, командование приказало уменьшить боезапас торпед с двадцати трех до двенадцати, а освободившееся пространство заняли большие банки с грунтовкой и краской, всевозможное снаряжение, стрелковое оружие и боеприпасы. Весь экипаж переодели в новенькую форму, выдав к тому же по комплекту теплого альпийского (!) обмундирования.

Хайнц Мор не раз обращался за разъяснениями той или иной нестандартной ситуации к командующему флотилией, но тот и сам не владел информацией. Он лишь скрупулезно выполнял приказы и распоряжения адмиралов Кригсмарине.

А за двое суток до выхода в море началась загрузка продуктов. Матросы таскали ящики и коробки до тех пор, пока в отсеках практически не осталось свободного места. Помимо замо-

роженного мяса, свежих фруктов, соков, овощей и яиц, на борт загрузили огромное количество консервов, макаронных изделий, галет, разнообразных круп, чая, кофе, шнапса, сигарет…

Кок команды – низкорослый гаупт-ефрейтор Бауэр – недоумевал:

– Не понимаю! Я побывал в трех боевых походах. Обычно запасались на двенадцать недель – это максимальная продолжительность похода, а тут провизии на целый год!..

Многого не понимал и командир подлодки. Впрочем, ровно за сутки до выхода из порта капитан-лейтенанта вызвали в берлинский штаб Кригсмарине, где в приватной беседе сам гросс-адмирал изложил суть сверхсекретного задания. А также предупредил о приезде контр-адмирала с двумя секретными пакетами.

– Из боевого распоряжения, запечатанного в пакете № 1, вы получите координаты двух точек, – сухо наставлял Карл Дёниц, легенда германского подводного флота. – В первой точке вам надлежит сымитировать гибель подводной лодки вследствие контакта с английской авиационной миной. Подробности имитации вы обсудите с моим заместителем. Вторая точка – то место, куда ваша лодка обязана прибыть после имитации, соблюдая строжайшую секретность…

Стоя на узкой палубе сбоку от желтого пятна света и наблюдая за действиями подчиненных, капитан-лейтенант снова и снова вспоминал устные инструкции, полученные от заместителя гросс-адмирала Дёница. Кажется, все было сделано так, как требовало высокое начальство. Надувная лодка с тремя «спасшимися» членами экипажа исчезла в темноте, за борт ухнули продырявленные бочки с соляром и отработанным маслом, следом полетели несколько элементов немецкой униформы, сломанные деревянные ящики и даже новенький судовой журнал, в котором командир с вахтенными офицерами успели сделать не более десятка записей.

– Дело сделано, герр капитан! – бодро доложил штабсобербоцман.

– Уводите людей, – ответил тот и направился на мостик боевой рубки.

Теперь необходимо передать сигнал бедствия на базу в Росток. Затем, включив максимальную осторожность, пройти в надводном положении через узкое мелководье датских проливов. Лишь под утро на траверзе Гётеборга глубина позволит продолжить поход под водой.

Это будет не скоро. А пока впереди маячил топовый белый огонь на фок-мачте неизвестного гражданского судна, за которым стоило пристально понаблюдать…

Судно с белым топовым огнем шло тем же маршрутом на север – к проливу Каттегат. Это устраивало капитана. Приказав штурману выдерживать дистанцию, а вахтенному смотреть по сторонам «в оба», он спустился внутрь подлодки. Пора было пройтись по отсекам…

Глава третья

Российская Федерация,

закрытый пансионат в Подмосковье

Наше время

– Да, снег там чистить некому, – смеялся Горчаков. – Поэтому отбери наиболее подготовленных парней из отряда, проверь снаряжение, оружие и жди команды.

– Район работы известен?

– Настолько приблизительно, что пока об этом говорить не стоит. В общем, готовьтесь. Пиво с водкой в вольных пропорциях употреблять не разрешается, а по маленькой, для аппетита, – рекомендую…

На том и попрощались.

Подготовительные мероприятия я произвел быстро. Опытных и обкатанных на всех глубинах пловцов в отряде не так уж много – отбирать особенно не из кого. Вооружение и «снаряга» тоже в постоянной готовности.

Уже неделю мы вшестером жили на родной базе в тихом местечке под Москвой – в бывшем закрытом санатории, отданном с потрохами в распоряжение особого отряда «Фрегат-22». Кроме меня, в составе группы – капитан второго ранга Георгий Устюжанин, капитаны третьего ранга Жук и Степанов, а также капитан-лейтенанты Фурцев и Савченко. Устюжанин и Жук – мои старые друзья. Первому тридцать пять, он мой заместитель; второй на три года младше. Оба – опытные пловцы и надежные товарищи.

Довольно неожиданно в состав группы настойчиво попросился самый молодой пловец из «Фрегата» – старший лейтенант Маринин. Посчитав просьбу обычным рвением юнца, я отказал. Но тот упорствовал, не отступал.

– В чем дело, Володя? – попытался я разобраться в проблеме.

Он мялся, говорил дежурные фразы о желании поработать, поучиться у старших товарищей.

– Не крути. Раз обратился – говори прямо.

– С женой поругался.

– А причина?

– Да… как-то навалилось все разом, – опустил он голову. – Квартира ее, моей зарплаты не хватает, мест в детском саду нет, ребенок часто болеет…

Знакомо. Кольцо, ипотека, дети по лавкам. Разбитые вдрызг стекла розовых очков.

– Это все?

– Не совсем. Жена заявила, что я не умею спорить. Еще бы, ведь я в споре аргументированно отстаиваю свою позицию, а она тупо исполняет ритуал.

– Какой ритуал?

– Ритуал, состоящий из крика и бессвязных фраз, с которыми я обязан покорно согласиться, признать свою вину и восхититься ее безграничной мудростью.

Да-да, вспомнил я. В личном деле старшего лейтенанта сказано, что жена его – дочь известного предпринимателя. Дурачок! Зачем жениться на самке в кружевной обертке? Для

серьезных целей нужно знакомиться в метро или трамвае – там ездят отличные девушки: и приготовят, и накормят, и спать уложат. А потом детей умненьких родят.

– И ты намерен в таком состоянии отправиться на глубину? – насмешливо глядя на него, поинтересовался я.

– Я надеюсь, работа на глубине излечит.

– Не уверен.

Юный лейтенантик густо покраснел. Кажется, еще минута, и на глазах появятся слезы.

– Ладно, давай поступим следующим образом, – решил я немного сдать позицию, – в предстоящей командировке мне понадобится всего три пары пловцов, и они уже сформированы. На всякий пожарный случай я сформирую резервную четвертую пару, в которую войдешь вторым номером. Но сам понимаешь: шансов полететь на Север чрезвычайно мало.

– Спасибо, товарищ капитан второго ранга, – обрадованно поблагодарил лейтенант.

Резервную пару я заставил появляться на базе через день. Остальных отправил в краткосрочный отпуск – не часто нам выпадает возможность пообщаться с семьями и нормально отдохнуть.

На базе жили по обычному распорядку: утром кросс по прилегающему лесопарку и три часа занятий в бассейне или в классе, обед и отдых, несколько часов игровых видов спорта. Ну, а после ужина свободное время, которое мы иногда проводили за столом, поглощая хороший алкоголь.

Дважды звонил шефу – пытался узнать, когда вылет. Тому, как всегда, было некогда – где-то носился, с кем-то встречался, что-то выяснял… В общем, нервничал и просил не беспокоить.

– Расслабься. Когда понадобишься – вызову, – недовольно пыхтел он в трубку.

Ладно, дважды мне повторять не надо. Ближе к вечеру, когда стало ясно, что миру в эту ночь гибель не грозит, я отправил гонца за «расслабляющим препаратом». Спустя час он вернулся с тяжелой, изрядно позвякивающей сумкой, и мы добросовестно выполнили приказ начальства…

Пожалуй, самое время представиться: Евгений Арнольдович Черенков. Рост под сто девяносто, вес – ровно сто. Сутуловатый, но крепкий, с широкими покатыми плечами. Мои усталые серые глаза, вокруг которых уже завязались мелкие морщинки, скорее излучают печаль по чему-то несбывшемуся, нежели тоскуют о потерянном. По отцу я русский, по матери – украинец и немного белорус. Капитан второго ранга, командую особым отрядом боевых пловцов «Фрегат-22».

Все мои подчиненные – люди особого склада и отменной закалки, прошедшие длительную и уникальную по сложности подготовку. Таких, как мы, невероятно мало в сравнении с элитой сухопутных спецподразделений, а методика подготовки моих ребят является величайшей тайной для конкурентов: итальянцев, немцев, американцев и англичан. Да, когда-то советским пловцам приходилось у них учиться, теперь же эти господа не прочь позаимствовать кое-что из наших технологий создания идеального боевого пловца.

За столом разговор долго кружил вокруг да около, но в конце концов закатился в лунку волнующей нас темы.

– Куда же на сей раз? – спросил мой давний друг Устюжанин, наслаждаясь «вискариком».

Остальные посмотрели на меня в ожидании откровений. Напрасно.

– Север, граждане. Больше мне ничего не известно.

– Крайний?

– Скорее бескрайний. Норвежское море, Баренцево, Карское, Шпицберген, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля. Возможно, северо-восточная часть Гренландии. Короче, начальство само в непонятках.

– М-да. Ясности ответ не привнес, – разливал очередную порцию Георгий. – Ладно, братцы, куда пошлют, туда и отправимся. А пока предлагаю выпить за наших преподавателей, инструкторов и наставников. Без их тяжелейшего труда не вышло бы из нас профессионалов.

Мы дружно подняли бокалы…

Да, преподавателями в Питерском военно-морском училище служили настоящие спецы! Это вам не бухгалтеры из мухоморного «экономa» и не отставные казнокрады из академии государственной службы. Это была настоящая научная элита, прошедшая практику в боевых условиях.

К примеру, начальником кафедры минно-торпедного вооружения работал ветеран-североморец, Герой Советского Союза Виктор Васильевич Старшинов. Лекции он читал виртуозно – курсанты мгновенно забывали о сне и усталости, стоило ему войти в аудиторию. Он был в годах, но по памяти называл номера узлов и агрегатов, перечислял точные паспортные данные сотен деталей. И частенько при этом вворачивал ядреный флотский юмор. «Внутри изделия, – с почтением обходил он вокруг полноразмерного макета торпеды, – содержится двести килограммов тринитротолуола. От взрыва оного богатства под днищем кораблик среднего дедвейта расколется напополам. Это если счастье привалит, а если не привалит, то на три или четыре части. Нормально? Для врагов нашей Родины – в самый раз…»

«Стоп! – мысленно остановил я сам себя. – А ведь Виктор Васильевич был знаменит не только отменной памятью и рассказами о военных подвигах. Еще он коллекционировал материалы и всевозможные истории, больше походившие на легенды, мистику и фантазии журналистов. Он слыл ходячим архивом, знавшим буквально все о пропавших экспедициях, о секретных нацистских базах, о загадочных катастрофах…»

– Георгий! – окликнул я друга, когда компания разбрелась по комнатам. – О Старшинове ничего не слышал?

– О герое минно-торпедной войны?

– Да-да, о нем.

– С год назад кто-то обмолвился, что прибаливает, перенес сложную операцию.

– А где он сейчас?

– Здесь, в Москве. После выхода на пенсию переехал из Питера к дочери.

– Адресок знаешь?

– На северо-западе Москвы. То ли в Красногорске, то ли в Химках…

Мне тридцать шесть. Через несколько лет перешагну заветный порожек, за которым придется корректировать профессиональную деятельность. После сорока я постараюсь остаться во «Фрегате», однако на предельные глубины врачи не пустят – это факт. Пока же удается с легкостью выдерживать тяжелейшие психофизические нагрузки. Не представляю, кем буду работать, если выгонят из «Фрегата», ведь подводным плаванием занимаюсь с тех пор, как начал уверенно передвигаться на двух нижних конечностях.

Моя карьера стартовала в те далекие времена, когда на зарплату врача или учителя можно было купить полторы тонны бензина, когда слово «террорист» мелькало исключительно в зарубежных новостях, а чиновникам с депутатами приходилось быть честнее, ибо за взятки не штрафовали и не грозили пальчиком, а расстреливали.

В жизни мне постоянно везло: я рос здоровым ребенком и совершенно бесплатно учился в хорошей школе, верил в справедливость и мощь своей страны, не боялся ни бандитов, ни педофилов, ни милиции, ходил в общедоступный бассейн, расположенный в квартале от дома. Пока я был совсем маленьким, мама трижды в неделю приводила меня за руку в секцию плавания и безбоязненно сдавала тренеру – добродушному здоровяку Вениамину Васильевичу. С ним мне тоже здорово повезло.

Позже, повзрослев, поумнев и окрепнув, я уговорил тренера взять меня с собой к теплому морю, где к привычному снаряжению добавилась диковинная штука – акваланг. С тех пор морские глубины стали моей заветной мечтой, а сам я стал постоянным спутником Вениамина Васильевича в глубоководном дайвинге.

Так, незамысловато и буднично, легкое увлечение, когда-то навязанное мамой «для общего развития детского организма», превратилось в серьезную спортивную карьеру: я показывал неплохие результаты, побеждал на различных чемпионатах, выигрывал кубки…

Следующим утром я обзвонил однокашников и выяснил место жительства Героя Советского Союза Старшинова с точностью, необходимой для очного визита.

– А если нагрянет Горчаков? – пытался остановить мой порыв Устюжанин.

– Я ненадолго…

Естественно, ненадолго не вышло, ведь летающий «Ситроен» есть только у Фантомаса. Кучу времени потерял на преодоление пробок, на поиск нужной улицы и дома. Потом приводил в норму радостные эмоции ветерана… В общем, до конкретики у нас дошло через три часа после отъезда.

Не став объяснять суть нарисовавшейся проблемы (ее и Горчаков-то толком объяснить не сумел), я спросил в лоб:

– Виктор Васильевич, не приходилось ли вам слышать загадочных историй об исчезновении судов в наших северных морях?

– Как же не приходилось? – ответил ветеран минно-торпедного дела. – Пару случаев запросто вспомню.

– Прямо сейчас?

– А чего ж тянуть? Пойдем на кухню – вдарим по рюмочке. Там и расскажу…

Первая трагедия случилась во время войны и вряд ли имела отношение к тревожившей босса тенденции. Вторая произошла тридцать лет спустя и действительно имела загадочный характер. Настолько загадочный, что не только не проясняла ситуацию, а, напротив, добавляла туману.

«Не густо», – вздохнул я и опрокинул в рот содержимое большой рюмки.

Хорошо пообщавшись, мы стали прощаться.

Пожимая мне руку в прихожей, Старшинов вдруг просиял:

– А ну, задержись на минуту! – и исчез в кабинете. А вернувшись, подал желтую пластиковую папку: – Держи. Этот материал тебе пригодится…

Стоя в пробках на пути к базе, я с любопытством листал вырезки из газет, текстовые распечатки, фотографии.

Возле КПП базы «Фрегата» мне уже было понятно, что заинтересовало старика Старшинова и ради чего он собрал целое «досье». Однако взгляд мой наткнулся на машину Горчакова.

«Шеф нагрянул. Вот свезло-то! Сейчас влетит по самые гланды…»

К семнадцати годам мне удалось выиграть несколько серьезных чемпионатов в России и дважды занять призовые места на Европе.

Скорее всего, благодаря громким спортивным победам меня и заметили кадровики из Комитета госбезопасности. За три месяца до окончания средней школы я получил приглашение в Управление КГБ. В задушевной беседе мне предложили зачисление без вступительных экзаменов в Питерское высшее военно-морское училище.

Я задал единственный волновавший меня вопрос:

– А к подводному плаванию моя будущая служба будет иметь отношение?

– Наипрямейшее, – добродушно усмехнулся пожилой мужчина в штатском.

Я дал согласие и вскоре примерял курсантскую форму. Затем в течение двух лет постигал азы военной службы, с практикой на кораблях и подводных лодках.

К слову, никогда не жалел о выборе. Мой двоюродный брат в тот же год поступил в универ. Говорил, что нравилось, хотя вся учеба сводилась к веселым пьянкам с последующими попытками вспомнить, кто с кем переспал, кто кому начистил нюх, кто на кого наблевал… Романтика!

КГБ тем временем реформировался и менял вывеску: КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК… К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов идиотизм с названиями закончился – правопреемницей ФСК становилась Федеральная служба безопасности.

Минуло еще два года. Сдав последние экзамены, я получил диплом, лейтенантские погоны и направление стажером в недавно созданный отряд боевых пловцов «Фрегат-22».

Без взбучки не обошлось.

Горчаков встретил на пороге: брови нахмурены, лоб в морщинах, над головой того и гляди шарахнет молния. Он долго разглядывал меня, как редкостное насекомое, потом пригласил в мой же кабинет и принялся потрясать бледными кулачками, расхаживая вдоль открытых окон:

– А если бы я привез приказ о срочном вылете?! А если бы ты мне понадобился для какого-то важнейшего дела?! А если бы…

Я героически молчал. В голове заевший плеер прокручивал одну и ту же известную фразочку: «А если бы ты вез патроны?!»

Выпустив пар и упав в кресло, босс пробурчал:

– Чего молчишь-то?

– А чего говорить? Виноват. Готов отправиться в ссылку на Каспий.

– На Каспий… Ты еще в Сорренто попросись. Где был?

С этого и надо было начинать – давно говорили бы о деле.

– Мотался на северо-запад Москвы – навещал старого знакомого.

– Это кого же, если не секрет?

– Вы его не знаете, – протянул я шефу папку с материалами. – Вот, взгляните, что он мне дал.

Оттаявший Горчаков нацепил на нос очки и углубился в чтение…

В добытых мною материалах подробно излагалось о факте гибели южнокорейского корвета «Чхонан». Условия, обстоятельства, версии и, наконец, заключения весьма авторитетной комиссии, состоящей из экспертов США, Великобритании, Швеции, Австралии. Более сотни фотографий погибшего корабля и остатков торпеды, якобы выпущенной с северокорейской подлодки. А в конце самое интересное: выводы нашего отечественного эксперта – ветерана-североморца Старшинова.

«Полнейший бред, – старательно выведено шариковой ручкой. – Всякому дураку известно, что подлодки КНДР вооружены китайскими или корейскими копиями советских торпед типа «53–56». Эта тяжелая кислородно-керосиновая торпеда несет четыреста килограммов взрывчатого вещества со скоростью сорок узлов. Она стара, как каменный уголь, не имеет приборов самонаведения и является настоящей классикой. Так вот, те части торпеды, показанные южнокорейцами на пресс-конференции, не имеют никакого отношения к типу «53–56». На всех представленных фотографиях мы отчетливо видим части и агрегаты торпеды немецкого производства. Это ясно по электромотору с дифференциалом, по рулям, размещенным перед винтами, наконец, по меткам на немецком языке…»

Заключение довольно объемное, но Горчаков, ознакомившись с ним до середины, закончил читать и вернул мне желтую папку.

– Спасибо за материал, но… эти сведения не имеют значения.

– Почему? Разве история с корветом «Чхонан» не вписывается в череду загадочных катастроф?

– Нет.

– Но почему?

– Хотя бы потому, что мне известно о подробностях гибели южнокорейского корабля несколько больше, чем твоему знакомому североморцу.

– И что же вы такое знаете?

– Северная Корея к гибели корвета отношения действительно не имеет, – вздохнул старик. – У нас есть две версии происшествия в Желтом море. Первая: чистейшая провокация.

– Чья?

– К примеру, спецслужб США, которым ради достижения цели не составит труда купить любую торпеду и пустить на дно судно союзника.

– Согласен. А вторая?

– Оплошность южнокорейских моряков. Предположим, взрыв глубинных бомб. Ну, а дальше хорошо обкатанный сценарий: южнокорейский президент – кстати, великий интриган, коррупционер и взяточник, – не желая признавать бардак в собственных вооруженных силах, обвиняет в государственном терроризме северян и приказывает состряпать липовое дело. Американцы в полном восторге и помогают создать «международную экспертную комиссию». В результате мировое сообщество негодует, а мы помалкиваем, ведь южане строят под Питером автозавод и вообще не прочь вложить в нашу экономику крупные бабки…

Да, с Горчаковым не поспоришь. Там, где правит бал бабло, совесть в гувернантках.

– Ладно, Женя, – совсем уж миролюбиво проговорил старик. – Ты не хочешь спросить, для чего я примчался сюда на ночь глядя?

«И вправду, для чего?» – недоуменно посмотрел я на шефа.

– Помнишь наш последний разговор? – спросил он почти шепотом.

– О вычисленной вами закономерности?

– Да, о ней.

– Конечно, помню.

– Мои худшие предположения подтверждаются: прошедшей ночью исчезло норвежское гражданское судно.

Теперь и я перешел на шепот:

– Где?

– В районе острова Медвежий.

Медвежий… Далекая норвежская земля. А точнее – торчащие из моря скалы. Долгой зимой эти скалы покрыты снегом, коротким летом – зеленоватым мхом. Нам доводилось бывать поблизости. Холодное и очень неприветливое местечко, расположенное аккурат между Шпицбергеном и северным побережьем Норвегии.

Впечатление о купании в тамошних широтах, мягко говоря, не из приятных. Неужели придется ехать туда снова?

– Так что готовьтесь, товарищ капитан второго ранга, – произнес Горчаков так, словно читал мои мысли. – Командировочные выписаны на шесть человек, кораблик под парами.

– Что говорят норвежцы?

– Пока ничего конкретного. Ведем переговоры – их власти уже дали предварительное согласие на наше предложение помочь с поисками пропавшего судна. В общем, дойдете, посмотрите, оцените, сфотографируете. Кстати, пора бы дать нашей операции какое-нибудь название. Как ты считаешь?

– «Охота за призраком», – ухмыльнулся я.
– «Охота за призраком»? А что – здорово звучит.
– Когда вылет?
– Утром. За вами, как всегда, придет автобус.

Глава четвертая

Архипелаг Земля Франца-Иосифа,

остров Земля Александры

Март 1945 года

Ранним утром U-3519 миновала остров Самсё и достигла глубоководного фарватера в проливе Каттегат. Едва небо над шведским берегом окрасилось в серые тона, капитан-лейтенант приказал задраить люки и уйти на перископную глубину.

К одиннадцати утра вышли из залива, нырнув на восемьдесят метров, повернули на северо-запад.

В полночь штурман доложил:

– Траверз Бергена.

Обычно штурманами в экипажах подлодок служили унтер-офицеры, в сороковом Людвиг Ланге начал морскую карьеру матросом-ефрейтором. К сегодняшнему дню он носил погоны лейтенанта цур зее и, несмотря на юный возраст, был одним из опытнейших штурманов Кригсмарине.

– Всплываем для подзарядки? – поинтересовался старший помощник.

– Нет, – качнул головой командир.

– Поднимаемся на перископную глубину и идем под шноркелем?

– Нет, – повторил Хайнц Мор. – Идем малым ходом на этой глубине. Всплытие и подзарядка через сутки в Норвежском море…

Дальнейшее продвижение новейшей лодки по указанному в пакете № 1 маршруту происходило спокойно и без приключений. Лишь однажды, идя ранним утром под шноркелем для подзарядки аккумуляторов, вахтенный офицер заметил через зенитный перископ воздушную цель. Случилось это неподалеку от острова Медвежий. Какой из воюющих стран принадлежал самолет, определить никто бы не взялся. Капитан-лейтенант Мор приказал убрать выдвижные устройства и произвести срочное погружение на сто двадцать метров.

Следующее подвсплытие на перископную глубину осуществили глубокой ночью через восемнадцать часов…

Война была безнадежно проиграна – Третий рейх содрогался в предсмертных конвульсиях. 18 апреля 1945 года Карл Дёниц перевел свой штаб из Берлина в Мюрвик под Фленсбургом, а 30 апреля возложил на себя пост президента Германии. В этот же день новый преемник фюрера провозгласил новую задачу нации: «Необходимо спасти Германию от уничтожения большевиками! Во имя одной только этой цели вооруженная борьба будет продолжаться!»

Эти слова, сказанные за несколько дней до капитуляции, многим показались бравадой на эшафоте. Увы, но это оказалось не так. С начала весны 1945 года из морских баз Кригсмарине чуть ли не ежедневно исчезали в неизвестных направлениях подводные лодки. Проверенные рабочие «лошадки» VII серии отправлялись в последние боевые походы. Крупные корабли IX и X серий, выгрузив практически весь боезапас и взяв на борт представителей германской элиты, уходили через океан к берегам Южной Америки. Эти лодки ждала незавидная участь –

большинство будет затоплено на мелководье сразу после высадки на берег высокопоставленных пассажиров.

Другая судьба была уготована «дойным коровам» – субмаринам XIV серии и некоторым из новейших боевых электролодок XXI и XXIII серий. Им надлежало продолжать тайную войну.

– Мы на месте, герр капитан, – доложил штурман.

– Хотелось бы поточнее, Людвиг! – недовольно крутанул Мор ручку настройки резкости мощного бинокулярного перископа.

– Архипелаг Земля Франца-Иосифа. Пролив Кембридж, справа остров Земля Георга, слева остров Земля Александры. Впереди по курсу – бухта Нагурского, координаты которой точно соответствуют заданной в приказе точке.

Хорошенько разглядев каменные холмы с белеющими прожилками ледников, командир выпрямился и достал из внутреннего кармана заветный пакет № 2. Пакет был намного толще первого.

Под напряженными взглядами сослуживцев он разорвал плотную бумагу и заглянул внутрь…

Сначала под тусклым светом плафонов центрального поста появилась подробная лоция всех проливов архипелага. Особенное место в лоции занимал пролив Кембридж с юго-восточным побережьем острова Земля Александры. На подробном плане была изображена линия маршрута, проходящая сквозь узкие ворота в минном заграждении на входе в бухту Нагурского. Далее линия упиралась в высокую скалу, соседствующую с обширным ледником.

Вслед за лоцией Мор извлек из пакета карту самого острова с множеством пометок и пояснительных сносок. Последним вынул белоснежный лист, развернул его и пробежал строчки приказа…

– Что там? – нервно сглотнул старший помощник.

– Не томите, Хайнц, – поторопил Нойманн.

– В соответствии с приказом Карла Дёница нам надлежит организовать длительное боевое дежурство на территории секретной подскальной базы острова Земля Александры. Здесь указаны точные координаты входа в грот. – Капитан-лейтенант протянул листок штурману. – Будьте внимательны, Ланге, впереди нас ждет барьер из двенадцати гальванических мин.

Приняв лоцию, штурман углубился в ее изучение.

– Это всё? – тихо спросил профессор.

– Нет. Дежурство бессрочное и продлится до тех пор, пока на рабочей частоте Кригсмарине не пройдет сигнал к возобновлению боевых действий. Сигнал должен подать один из руководителей Рейха. Следующим приказом гросс-адмирал присваивает всему личному составу очередные воинские звания и желает удачи.

Потирая тонкими холеными пальцами подбородок, Нойманн задумчиво произнес:

– Значит, вы отныне корветтен-капитан. Кажется, это звание соответствует майору сухопутных войск, не так ли?

– Вы правы.

– Поздравляю!

– Вас тоже не обидели, господин оберштурмбаннфюрер. И ваше новое звание равнозначно оберстлейтенанту, верно?

– У меня к вам просьба, Хайнц, – покосился на присутствующих Нойманн и прикрыл блестевшее на безымянном пальце левой руки наградное кольцо «Мертвая голова».

– Слушаю.

– Давайте забудем о чинах.

– Принимается, – кивнул командир подлодки, отлично понимая причину «демилитаризации» отношений. Война проиграна, их могут отыскать даже здесь – на краю земли. Он – Хайнц Мор – простой офицер военно-морского флота Германии. Да, бывало, что приходилось топить беззащитные гражданские суда, обрекая на верную смерть сотни людей. Но эти поступки не сравнить с жестокостью тех, кто служил в гвардии рейхсфюрера СС.

Штурман пыхтел над картой, прокладывая с помощью лоции курс к точке входа в подскальную базу.

– Готово, герр капитан, – доложил он через пару минут. – Прикажете до входа в базу идти в надводном положении?

– Разумеется. Бухта покрыта льдом.

Взломав рыхлый лед, U-3519 подошла к скале на дистанцию четыре кабельтова. Судя по лоции, глубина под килем сохранялась приличная – не менее пятидесяти метров, что позволило бы в будущем подходить сюда под перископом.

Мор требовательно посмотрел на Ланге:

– Вход в базу здесь – ты уверен?

– Да, герр капитан, ошибки быть не может, – твердо произнес новоиспеченный оберлейтенант цур зее и, передав бинокль, указал на скалу: – Мы точно в створе.

Створ указывали острые верхушки двух крупных глыб, торчащих из склона на разной высоте. Информация о них была подробно изложена в лоции.

– Смотри, штурман, я не собираюсь понапрасну уродовать об лед легкий корпус.

Три офицера стояли на рубочной площадке. Лодка покачивалась в проделанной от середины пролива полынье. Ланге волновался за расчеты и молчал, Хайнц надолго прилип к окулярам мощного бинокля, изучая высокую скалу, старший помощник беспрестанно крутился, осматривая воздушное пространство.

Наконец командир решился и скомандовал:

– Малый вперед тем же курсом! Подойдем поближе.

– Сомневаешься в данных лоции? – уточнил старший помощник.

– Нет. Просто не имею опыта вхождения в подводные гроты.

– Понимаю. Мне тоже не по себе от этой затеи. Промахнешься на пяток метров и…

– Вот что, Рудольф, – опустил бинокль Мор. – Приготовь-ка две пары пловцов для обследования береговых скал. Я поведу корабль под скалу только после того, как удостоверюсь в наличии этой чертовой норы…

Обследование длилось более часа. Подлодка застыла в надводном положении в двух кабельтовых от берега, пока команда пловцов, ведомая опытным обербоцманом, изучала подводную часть отвесных скал.

Все это время Мор прятал лицо от холодного ветра в поднятый воротник кожаной куртки. На голове белела офицерская фуражка – символ командира подлодки. Только командиру, по неписаным правилам, дозволялось носить подобный головной убор…

Наконец шлюпка повернула и причалила к борту U-3519. Моряки помогли пловцам взобраться на горизонтальный палубный настил.

– Что там? – крикнул сверху Мор.

– Грот, – ответил кто-то из пловцов. – Мы нашли большой грот, в точности совпадающий с описанием в лоции.

– Какова глубина перед гротом?

– Около двадцати пяти метров. Дно гладкое, края грота немного скошены.

Командир обернулся к вахтенному офицеру:

– Проводить пловцов вниз и дать шнапса. Экипажу приготовиться к погружению!

К строительству секретных подскальных баз в заполярных районах Германия приступила задолго до начала Второй мировой войны. В начале века при кайзере Вильгельме II был обустроен грот естественного происхождения в проливе Маточкин Шар на Новой Земле. Внутри грота находилось довольно обширное озеро, в акватории которого спокойно размещалось до четырех небольших германских подлодок. С той базы в годы Первой мировой войны они совершали успешные рейды в Белое море для нападения на российские и английские суда.

После поражения в войне и позорного Версальского договора лидерам Германии стало не до содержания отдаленных военных объектов. Однако разведка в полярных районах продолжалась. К примеру, в начале тридцатых годов над значительной частью советской Арктики пролетел, выполняя аэрофотосъемку, дирижабль «Граф Цеппелин». Добравшись до архипелага Земля Франца-Иосифа, он обменялся почтой с советским ледоколом «Малыгин» и продолжил свое «мирное» путешествие…

Одним словом, рассекречивать и сдавать свои объекты в Заполярье победителям немцы не собирались. Они пополнили запасами базы на островах Северного Ледовитого океана и законсервировали их до лучших времен.

Лучшие времена наступили довольно скоро.

…Войдя самым малым ходом в широкий грот, субмарина вскоре ткнулась носовой частью во что-то мягкое.

– Всплываем, – тотчас приказал Мор.

После всплытия офицеры и боцманская команда выбрались на палубный настил, один из сигнальщиков включил прожектора на рубке и осветил низкие своды.

– Ого! – не сдержался командир, оглядываясь по сторонам. – А здесь довольно просторно.

– И холодновато, – поежился профессор.

Лодка покачивалась во внутреннем водоеме огромной рукотворной пещеры. Водоем имел строгую прямоугольную форму и заканчивался пологим тупиком, предусмотрительно прикрытым отбойником – четырьмя слоями толстой резины. В нее-то и ткнулась носом субмарина.

– Каменный тротуар ведет к какому-то проходу, – прокомментировал старший помощник, поворачивая прожектор. – И все же здесь очень мрачно и неуютно.

– Довольно жалоб, господа, – одернул командир. – Нам следует быть образцами стойкости духа, иначе подчиненных надолго не хватит.

– Вы правы, – поддержал Нойманн. – Одному богу известно, сколько здесь придется торчать…

Тем временем матросы пришвартовали субмарину к правому причалу. Вся команда, за исключением вахты, сошла на ровный каменный тротуар, простиравшийся на всю длину между водоемом и вертикальной стеной, такой же тротуар имелся и слева от водоема. Хайнц Мор определил две группы во главе с офицерами, снабдил их фонарями и отправил в разные стороны для изучения секретного объекта; остальным приказал собрать личные вещи и приготовиться к переселению…

Новое место жительства впечатляло. Буквально все внутри огромной скалы было создано не природой, а человеческими руками. На каменных тротуарах, стенах и сводах отчетливо виднелись следы инструментов. Все говорило о том, что здесь здорово потрудились несколько сотен или даже тысяч военнопленных, вырубивших в твердой скальной породе убежище для двух подводных лодок и сеть различных помещений. Впрочем, Мор не отрицал природного происхождения подскального водоема – скорее всего, грот с небольшим озером существовали изначально, а строители существенно расширили их объем, придав правильную, удобную форму и соорудив ряд вспомогательных зон. После строителей эстафету приняли инженеры,

снабдив помещения водопроводами, электрической сетью, телефонной связью, радиорубкой и трансляцией.

Вскоре возвратившиеся группы доложили о результатах разведки. Коридор справа от водоема вел в несколько жилых отсеков, включавших две внушительные казармы, десяток комнат для офицерского состава, два продовольственных склада, банно-прачечный отсек, камбуз и большую столовую. По левую сторону стоянки подлодок находилась техническая зона. У входа в нее возвышалось мощное подъемное устройство, предназначенное для ремонта и перезарядки субмарин торпедами. В глубь скалы уходил такой же коридор, с просторными мастерскими, множеством складов для хранения аккумуляторных батарей, инструментов, обмундирования, топлива, оружия и боеприпасов…

– В дальнем конце технической зоны расположены четыре помещения, – заканчивал доклад один из офицеров. – Двухместный карцер, генераторная и две резервные комнаты.

– Что с генераторами? – поинтересовался Мор.

– Генераторы очень старые, изготовленные еще при кайзере Вильгельме II. Мы не стали их трогать. Во-первых, в этом закутке невероятно холодно. А во-вторых, непонятно, куда уходит выхлоп от двигателей.

Команда крайне нуждалась в электричестве и нормальном освещении, без которых было невозможно нормально обустроиться на новом месте. Подумав, командир поручил инженеру-механику Гюнтеру разобраться с генераторами, сам же направился инспектировать склады. Их жизнь отныне зависела от количества продовольствия и топлива.

Глава пятая

Российская Федерация, Москва,

Лубянская площадь

Наше время

Последующие пару дней наша жизнь проистекала по давно заведенному распорядку: ранним утром на территорию базы въезжал знакомый автобус, должный вместить в свое чрево нас и огромное количество багажа. В сумках обычный скарб: гидрокомбинезоны «сухого» типа, баллоны с разнообразной дыхательной смесью, дефицитные регенеративные патроны для ребризеров, маски, перчатки, ласты, специальные коробки с оружием, боеприпасы. Да, оружие мы всегда возим с собой – таким где попало не обеспечат.

– Евгений Арнольдович, – ныл Маринин. – Как же наша резервная пара?…

– А никак. Ты семейные проблемы решил? С женой помирился?

– Нет.

– Вот ты и сам ответил.

Он растерянно мялся рядом, но не уходил.

– Свободен, старший лейтенант. Я не знаю, когда состоится следующая командировка, но настоятельно советую привести нервишки и внутреннее состояние в норму. Иначе так и будешь гнить на базе…

Понурив голову, Маринин ушел, а мы принялись за дело: для начала плотно позавтракали (обеда может не случиться), потом неспешно загрузили в автобус «снарягу», уселись неподалеку от водилы и начали трудно продвигаться сквозь череду пробок на один из ближайших аэродромов, где ожидал «конторский» самолет.

Наконец – долгожданный взлет. После набора высоты парни хитро посмотрели в мою сторону. Ну, а что еще делать в салоне самолета, если на загородной базе выспались на неделю вперед?

– Ладно, наливайте. Только понемногу, – снисходительно кивнул я.

Бойцы выудили из закромов пару бутылок хорошего вискаря и простенькую закуску в виде апельсинов, шоколада и минералки. «Приняв на грудь» сто пятьдесят миллилитров, я отвернулся к окну. Мне достаточно, парни тоже свою норму знают – увлекающихся спиртным в моей команде нет и никогда не будет. Тяжелая, сопряженная с постоянным риском работа боевого пловца требует отменного здоровья и великолепной физической формы. А это с безмерным употреблением алкоголя несовместимо.

Прикрыв глаза, я попытался заснуть, но в памяти то и дело всплывал разгневанный за мою самовольную отлучку с базы Горчаков. Его сжатые кулачки, дребезжащий тенор и резкие по форме слова…

У моего шефа много недостатков и странностей, над которыми окружающие втихаря подтрунивали. Посмеивался над ними и я, пока однажды, где-то на первых этапах нашего знакомства, не получил хороший урок.

В тот год меня назначили заместителем командира «Фрегата», следом поменялся куратор – вместо ушедшего на повышение человека к нам приставили Горчакова. Первые впечатления о нем сложились быстро: слишком правильный, очень строгий, невероятно занудливый. Тут же подоспело и соответствующее прозвище – «Кощей» – за сходство со сказочным злодеем…

Он был вполне обеспеченным (к тому моменту десять лет носил генеральские погоны): большая квартира в центре, дача в Подмосковье, солидная иномарка, крутые часы и навороченные ноутбуки стоимостью от ста «штук» и выше. Но при этом для мобильной связи почему-то использовал неприличный даже для столетней бабульки аппарат – тяжелый черный брусок размером с ладонь землепашца.

Когда мы впервые увидели этот телефон, то зажали рты, чтобы, не приведи Господи, не заржать в голос. Так и сидели, вытаращив глаза и понимая, что первый издавший звук отправится на эшафот.

Нет, мы на самом деле и очень искренне недоумевали.

– Товарищ генерал, да выбросьте вы этот атавизм лихих девяностых – в нем даже дисплей монохромный!..

Он бледнел, глаза наливались яростью.

– Займитесь прямыми обязанностями! А я без вас решу, каким телефоном пользоваться!

Однажды мы скинулись и подарили Сергею Сергеевичу на юбилей очень хороший современный аппарат – громкий, с большим экраном и кучей полезных функций. Он молча принял коробку, сухо поблагодарил и… продолжал ходить на службу со старым бруском.

Спустя несколько месяцев мы заметили, что ископаемый телефон из-за поломки задней крышки перемотан изоляционной лентой. Однако никто уже не предлагал боссу избавиться от хлама. А кто-то из моих парней остроумно заметил:

– В этом телефоне Кощей прячет яйцо. В яйце лежит игла, а на кончике иглы – его смерть…

Что еще скажешь? Как-то нелепо пытаться учить жизни неглупого и вполне обеспеченного человека.

И все-таки я рискнул. В последний раз.

Буквально на следующий день судьба привела меня по каким-то делам на рынок с развалами разнообразного хлама. Там в голову пришла сумасбродная идея, и я взялся надоедать удивленным торговцам… Задача была не из легких, но через час я ее решил и при ближайшей встрече с Горчаковым положил на начальственный стол почти новенькую заднюю крышку от бруска-телефона.

Он бережно взял ее, придирчиво осмотрел со всех сторон и… просиял.

– Ты не представляешь, Женя, что для меня значит эта вещица! – впервые назвал он меня по имени. Через пять секунд лопнувшая крышка была заменена целой. – Смотри, он стал как новый. Поживет еще мой телефончик!..

Ни черта не понимая, я поплелся к выходу. И у самой двери услышал:

– Спасибо, Женя. Понимаешь… в памяти этого допотопного аппарата сохранилась диктофонная запись моего последнего разговора с женой. Я был в одной из горячих точек, она возвращалась с работы, позвонила и поздравила с днем рождения, сказала, что очень любит, ждет, считает дни до встречи… С тех пор прошло больше десяти лет. Домой она так и не доехала. Сразу после разговора погибла в автокатастрофе…

В полном смятении я вышел из кабинета. А в следующий раз, услышав от своих охламонов насмешки в адрес генерала, резко одернул:

– Так, орлы, забудьте о дурацком прозвище – никакой он не Кощей! Мы слишком плохо его знаем…

Через два часа пятнадцать минут наш самолет произвел посадку на военном аэродроме Североморска. За время службы во «Фрегате» мне довелось бывать здесь довольно часто, в последний раз, если не изменяет память, прилетал сюда около года назад.

К самолету подрулил автобус. Молодые матросы шустро помогли забить кормовую часть его салона нашими шмотками, и мы снова тряслись по неровностям гарнизонной дороги…

Североморск. Хоть за бортом и лето, но местные пейзажи сочностью красок не балуют. Все непривычно блекло, тоскливо, пасмурно.

Минут десять петляли по улочкам военного городка, прежде чем притормозили у медленно открывающихся ворот КПП. Последний рывок, и автобус остановился у предпоследнего пирса.

– Приехали, – радостно доложил водила.

И в третий раз за короткий временной промежуток стартовала разгрузка-погрузка. Теперь наши вещички перекочевали из автобуса на борт спасателя «Георгий Титов» – весьма солидного судна с полным водоизмещением около восьми тысяч тонн.

У сходней нас встречал командир корабля. Познакомились, поднялись на борт. Капитан второго ранга – мой ровесник. Небольшого роста, хорошо сложен, с открытым, даже немного простодушным лицом.

– Когда выходим? – петляя по коридорным лабиринтам, поинтересовался я.

– Минут через тридцать. Мы давно готовы – вас ждали. А вот и ваши апартаменты…

В коротком аппендиксе у трех открытых офицерских кают нас ждал мичман со связкой ключей.

– После размещения прошу в кают-компанию на ужин, – улыбнулся командир.

В шесть вечера, аккурат за ужином, нас застало объявление по трансляции: строгий голос командира корабля объявлял экипажу готовность к бою и походу. Пиликнула дудка, зазвенели пудовые коридорные звонки, по металлическим палубам загрохотали тяжелые матросские ботинки.

«Титов» содрогнулся от набирающей обороты машины. Корпус судна медленно отвалил от пирса, развернулся на север и стал набирать ход по Кольскому заливу. Наша командировка в Баренцево море стартовала, а с ней началась и операция «Охота за призраком».

Четыреста сорок миль, отделяющие Североморск от острова Медвежий, наш корабль резво протопал за тридцать часов.

Вот мы и на месте. Небо серое, низкая облачность медленно проползает над самыми мачтами. Одной из особенностей здешнего климата является резкая смена погоды: сейчас ветерок ласкает приятной прохладой, а через полчаса запросто свалит с ног. Так что обольщаться не следует.

Трагедия с норвежскими рыбаками произошла в тридцати милях к северо-востоку от острова. Затонувшее судно уже нашли, над ним дежурили тральщик типа «Оксёй» и небольшой гражданский спасатель.

Встали в паре кабельтовых, и командование начало переговоры…

Прощаясь, Горчаков поставил передо мной две задачи. Первая (официальная): помочь норвежцам разобраться в причинах гибели траулера, а также, по возможности, найти и поднять тела пропавших рыбаков. О второй задаче на «Титове» не знал никто, кроме меня. В соответствии с ней я должен был исследовать характер повреждений траулера и сделать подробный анализ случившегося.

Поднялся в ходовую рубку, где, помимо командира корабля, комбрига и вахты, околачивались трое гражданских «пиджаков» – сотрудники МИДа. Брать их на борт – обычная практика, когда в походе планируется взаимодействие с иностранцами. Мидовцы через переводчика общались с норвежцами и сговаривались о времени начала подводных работ.

С комбригом – достаточно молодым контр-адмиралом – я немного знаком. Он был отлично осведомлен о секретной специфике работы моей команды. Заметив меня, подошел, поздоровался и негромко пояснил:

– Небольшой траулер «Тинсет» занимался промыслом северо-западнее острова Медвежий. Неожиданно прогремел сильный взрыв. Несколько рыбаков оказались в воде, а судно затонуло буквально в течение минуты. Три человека пропали.

– Сигнал бедствия подать успели?

– Нет. Поэтому спасатели с Лонгьира не сразу узнали о трагедии. Короче, вертолет прибыл к месту только через полтора часа и поднял из воды единственного выжившего рыбака. Он и рассказал о подробностях…

Закончив переговоры, «пиджаки» объявили:

– Траулер «Тинсет» лежит на глубине ста пятнадцати метров. На норвежском спасателе имеются дыхательные смеси для погружения только до ста метров. Они связались с основной базой, и завтра утром вертолет доставит им нужные баллоны.

Тем временем один из дипломатов (или переводчиков?) поинтересовался:

– Товарищ адмирал, норвежцы предлагают два варианта: либо мы одалживаем им снаряжение для немедленного погружения, либо идем на глубину сами. Ваше решение?

Контр-адмирал вопросительно посмотрел на меня.

– Через час пойдем сами… – кивнул я.

На военных кораблях мы обычно разбиваем свой «бивак» на вертолетных площадках или в районе юта – там, где палуба пониже и удобнее спуститься в шлюпку. «Георгий Титов» внешне напоминал обычный сухогруз, правда, с двумя огромными универсальными кранами, установленными ближе к центральной части корпуса. Его корма высоко поднята над водой, поэтому мы «зафрахтовали» местечко у левого борта под одним из кранов. Матросы канителились с трапом, затем спустили на воду катер, а мы готовили вещички…

Вначале извлекли из сумок самую теплую рабочую одежку, так называемые «сухари», – гидрокомбинезоны-мембраны сухого типа, полностью изолирующие тело и обеспечивающие длительное пребывание в ледяной воде. Одежка склеена из специального многослойного материала, поэтому ей нужно немного повисеть для выпрямления складок. Многие подводники недолюбливают комбинезоны из-за утомительной процедуры одевания. Но, как говорится, здоровье дороже.

После комбинезонов переключились на дыхательные аппараты.

В своей работе мы используем ребризеры замкнутого цикла с электронным управлением. Это очень дорогие и самые незаметные дыхательные аппараты, в которых углекислый газ поглощается химическим составом регенеративных патронов. В процессе дыхания смесь обогащается так называемой «донной смесью» (кислородом с дилюэнтом, содержащим воздух или нитрокс, чаще смесь на основе гелия) и снова подается на вдох. Ценность аппаратов подобного класса обусловливается наличием микропроцессора, дозирующего кислород в зависимости от глубины. За счет автоматической дозировки происходит эффективная и быстрая декомпрессия, иной раз не требующая выполнения «площадок». В нижней части ребризера размещен двухлитровый резервный баллон, наполненный обычной воздушной смесью. Он предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров и поэтому шутливо именуется «парашютом дайвера».

Вообще-то для настоящей тяжелой работенки нас было маловато, но для заурядного осмотра затонувшего судна – в самый раз. Разделил ребят на три пары. Георгия Устюжанина с молодым пловцом оставил в резерве на палубе. Миша Жук с Сережей Савченко будут парить на промежуточной глубине, ну, а я с Игорем Фурцевым пойду к тральщику выполнять поставленную Горчаковым задачу.

Разобравшись со «снарягой», начали одеваться.

В Северном полушарии сейчас в разгаре лето, к тому же на температурный режим оказывает влияние известное теплое течение. Благодаря этим факторам температура воды в Норвежском море держится на уровне плюс одиннадцать градусов. Это максимум, на который способны расщедриться здешние широты. Неподготовленный человек без соответствующего снаряжения продержится в такой водичке час-полтора, подготовленный протянет немногим дольше. Исходя из данной арифметики, утеплились по полной программе: вначале натянули специальное тонкое бельишко, сшитое швами наружу, поверх него надевали толстое шерстяное белье. Наконец очередь доходит до многослойных гидрокомбинезонов. Долго торчать на палубе во всей этой амуниции нельзя – слишком жарко, зато под водой будет в самый раз. А на глубине, когда давление с силой обожмет костюмы вокруг наших тел, не оставляя даже крохотной воздушной прослойки, – нам станет даже холодно. Ужасно холодно. И на этот случай у каждого пловца в снаряжении имеется небольшой баллон с системой аргонного поддува.

Застегивая подвесную систему, я заметил сбегающего по трапу офицера.

– Товарищ капитан второго ранга, это приказали передать вам. – И он протянул мне пару распечатанных на принтере листов.

– Кто приказал? – спросил я, рассматривая карту профиля дна и план с расположением затонувшего судна.

– Командир бригады. А ему передали норвежцы.

– Ясно. Спасибо…

Ознакомившись с глубинами и рельефом, я передал листы коллегам и, подхватив автомат, шагнул к трапу. В пришвартованном к трапу катере нас давно поджидал Устюжанин, назначенный мной командиром спуска.

Подготовка закончилась, и обе пары пловцов стояли перед Георгием. Опытный взгляд моего товарища цепко выхватывал каждую мелочь: целостность дыхательных мешков, шлангов, легочного автомата, байпасных клапанов и автомата промывки дыхательной системы. Параллельно он контролировал давление в заправленных баллонах, наличие свежих регенеративных патронов.

Мои парни не любят высокопарности, но отлично понимают: от исправности и надежной работы всех перечисленных «мелочей» зависит жизнь боевого пловца.

Итак, все в порядке.

Я посмотрел на часы. С момента разговора с контр-адмиралом минуло пятьдесят пять минут. Уложились.

Георгий дружески похлопал меня по плечу и подал последний элемент – своеобразный символ власти командира группы – навигационно-поисковую панель. На ее экране, светящемся таинственным голубоватым светом, отображалась великолепная картинка со сканирующего гидролокатора кругового обзора.

Устюжанин вернулся на палубу и занял место у станции гидроакустической связи. Наш катер отчалил от борта и понесся к оранжевой точке – бую-маркеру, обозначающему точное место затопления траулера.

Приехали.

Надвинули на лица маски, открыли баллоны. Садимся на борт и по очереди опрокидываемся назад.

Глава шестая

Архипелаг Земля Франца-Иосифа,

остров Земля Александры

Март – сентябрь 1945 года

На протяжении Второй мировой войны германские подводники имели в Александровской «подскальной» базе все необходимое для нормальной и относительно комфортной жизни.

Используя бесценный опыт обустройства баз на Новой Земле, немецкое командование решило построить нечто похожее и здесь – вблизи северного пути в Японию, которым, из-за малоизученности и сложной ледовой обстановки, не осмеливался пользоваться никто, кроме немецких подводников. Во второй половине тридцатых годов на пустынный архипелаг прибыли три судна с оборудованием, инструментами, стройматериалами, продуктами, охраной, инженерами и несколькими сотнями военнопленных.

Некоторое время ушло на изыскательские работы, а спустя две недели на прибрежных скалах бухты Нагурского стояли четыре деревянные постройки, после чего закипела работа по возведению главного сооружения внутри высокой скалы. Вначале пробили наклонный шурф, расширили его до приемлемых размеров, установили рельсы с лебедкой, пустили пяток вагонеток. И приступили к горизонтальной выработке.

Тяжелая работа по расширению природного грота не прекращалась в течение восемнадцати месяцев: три смены круглосуточно вгрызались в твердую скальную породу. В итоге был построен глубокий искусственный водоем, сообщающийся с проливом Кембридж широким подводным тоннелем, влево от водоема внутрь скалы уходила обширная зона технического обслуживания субмарин, вправо вел коридор к жилым отсекам.

Готовую базу приезжал принимать генерал-адмирал – один из заместителей Дёница. И, говорят, остался весьма доволен. Еще бы – под скалой он увидел целый город! Каменные тротуары, казарменные отсеки, продовольственные, топливные, оружейные склады, небольшая ремонтная мастерская, пара цехов, погрузочно-разгрузочные механизмы, автономная электростанция, система вентиляции… И самое главное – стоянка во внутреннем водоеме, рассчитанная на прием и обслуживание сразу двух современных подводных лодок.

– Что прикажете делать с наклонным шурфом? – спросил у генерал-адмирала начальник строительства.

– А какие имеются варианты?

– Можем засыпать каменными обломками – я специально оставил наверху сотню кубов. Или залить бетоном – как вам будет угодно. Главное, выдержать требования маскировки…

– Знаете что, любезный, у меня другое предложение.

– Слушаю вас, – подобострастно взглянул на заказчика военный строитель.

– Я уверен в том, что обитателям этой базы иногда придется делать вылазки на остров. Поэтому оборудуйте шурф ступенями и самыми надежными дверьми – внешней и внутренней. Ну, и позаботьтесь о маскировке – тут вы абсолютно правы…

Так строители и поступили. А по окончании работ два специальных арктических танкера «Пелагос» и «Кернтерн» выполнили несколько рейсов из Германии в бухту Нагурского,

завозя в склады новой базы дизельное топливо, консервированные, сушеные и замороженные продукты, грузоподъемные средства, инструменты и большое количество запасных торпед. В широкой подскальной гавани свободно умещались две небольшие подлодки «второй», «седьмой», «девятой» серии или же одна – «десятой», «четырнадцатой», а также новейшей «двадцать первой» серии. В начале сороковых годов наверху стояли два комфортабельных коттеджа вместимостью на двести человек. Оба «этажа» лагеря были прекрасно приспособлены для несения длительной вахты, все было рядом – в двух шагах.

О наклонном шурфе за бронированной дверью с хитрым замком Мор узнал через день после прибытия лодки на базу. Разбираясь с документаций, оставленной в сейфе командирского жилого отсека, он наткнулся на перечень инструкций, а также на подробные чертежи и схемы. На одной из схем и был изображен тоннель длиной почти в сотню метров. Помимо бумаг, на полках вмурованного в стену стального ящика обнаружилась связка ключей от всех основных помещений базы. Получив доступ к запасам, Хайнц прихватил Нойманна и отправился инспектировать хозяйство…

«Да, отныне наше благополучие зависит от количества этих банок и ящиков», – повторял он про себя, прохаживаясь с фонарем между высокими стеллажами одного из продовольственных складов. Следом беззвучной тенью ходил профессор. Он также с интересом изучал содержимое складов и будто намеревался сказать о чем-то важном, но пока молчал, дожидаясь окончания командирской инспекции.

Корветтен-капитан вертел в руках банку с тушеным мясом, пытаясь выяснить дату ее производства. Выяснив, поставил ее на место, вздохнул и зашагал дальше. Лицо Мора с самого начала инспекции было мрачным…

Сложность ситуации состояла в том, что никто не догадывался даже о приблизительных сроках заточения под гранитной скалой, соседствующей с толстой шапкой ледника. На первый взгляд, продуктов было предостаточно, но… сколько его команде придется прожить в этой норе, насквозь пропитанной запахами машинного масла, смолы и прелых морских водорослей?…

Оба продовольственных склада имели приблизительно равную площадь. Стеллажи первого были плотно заставлены разнокалиберными консервами: от пятидесятикилограммовых жестяных коробок с норвежской патокой, сгущенным молоком, чаем, кофе и шоколадом до полукилограммовых банок с венгерским яичным порошком, датской свининой, вареньями, мармеладом, пудингами, печеньем, сушеными фруктами и изюмом. Здесь же высились штабеля ящиков и коробок из толстого картона с восковым покрытием. В них хранились крупы, мука, сахар, макаронные изделия, галеты, стеклянные емкости с превосходным оливковым маслом, тысячи бутылок с разнообразным спиртным, сигареты, спички… Второй склад был устроен ближе к леднику и предназначался для хранения свежезамороженных продуктов – в основном мяса, рыбы, птицы и масла.

Разглядывая этикетки и читая маркировку на упаковочной таре, новоиспеченный корветтен-капитан предавался безрадостным рассуждениям: «Если нам суждено провести в заточении пару лет, то запасов хватит с избытком – мы ни в чем не будем себе отказывать. Если срок ссылки увеличится вдвое – рацион станет скудноват. Ну, а чтобы протянуть лет пять или шесть, придется здорово экономить и жить впроголодь…»

Внезапно висящие под потолком лампы весело моргнули и ожили желтоватым светом.

Мор выключил фонарь и удовлетворенно хмыкнул:

– Значит, кайзеровские генераторы в порядке. Хорошая новость.

– Кстати, о новостях, – вторил Нойманн из-за стеллажной полки. – Мне кажется, настала пора объяснить вам, Хайнц, для чего я и мои люди прибыли сюда на вашей замечательной субмарине.

– Разве у вас есть конкретная цель?

– А вы полагаете, мы просто спасали свои задницы?

Подводник усмехнулся, но промолчал, из чего можно было заключить, что он именно так и считал.

Появившись в том же проходе, доктор вытер перепачканные в масле руки.

– Напрасно вы так думаете, напрасно. У меня имеются четкие указания рейхсфюрера, и я обязан их выполнить.

– Какие еще указания, Карл?

– Продлить вам жизнь, Хайнц. Вам и всей вашей команде.

Команда обустраивалась и продолжала исследовать секретный бункер. В том, что все механизмы и агрегаты работали исправно, ничего удивительного не было – военная промышленность курировалась первыми лицами Рейха, а рабочие, допустившие брак, немедленно попадали в гестапо.

Несмотря на относительно свежие следы пребывания на базе коллег из Кригсмарине (вероятно, подскальное убежище регулярно использовалось для пополнения запасов субмарин и отдыха экипажей), склады были забиты провиантом, обмундированием, топливом и боеприпасами.

Члены экипажа и пассажиры U-3519 перенесли личные вещи из подлодки в казармы и офицерские отсеки. Хайнц Мор оставил на борту сменяемую стояночную вахту, в обязанности которой входило поддержание субмарины в боевой готовности. Вторая вахта занималась несением службы внутри базы, третья, состоящая из двух связистов, в назначенные часы крутила ручку выдвижной радиомачты и слушала эфир на волне Кригсмарине. Остальные занимались хозяйственными работами – сделать еще предстояло многое.

К примеру, инженера-механика Гюнтера здорово напрягал вопрос: куда уходит выхлоп от работающего дизель-генератора? В дальнем холодном закутке, где монотонно тарахтел дизель, здорово пахло выхлопными газами, однако дальше железной двери запах не распространялся. «Чудеса!» – подумал Мор и снарядил группу разведчиков. Те обрядились в специальные теплые маскировочные костюмы, прихватили бинокли, оружие. Корветтен-капитан отыскал на заветной связке нужный ключ, открыл сложный замок и дважды провернул круглую ручку. Разведчики помогли открыть невероятно тяжелую дверь и по очереди исчезли в темном жерле наклонного шурфа…

Вернулись они только к вечеру.

– Недалеко от края восточного ледника обнаружены блиндажи и заброшенный метеопост, – доложил обербоцман. – В блиндажах найдены пустые консервные банки с маркировкой на немецком языке.

– Здесь? – ткнул командир в карту.

– Так точно.

Мор задумался. Значит, и остальные метки, скрупулезно нанесенные на карту в штабе Кригсмарине, должны соответствовать имеющимся на острове объектам.

– Взлетную полосу на северо-восточной оконечности острова не заметили?

– Нет, судя по вашей карте, аэродром далековато.

– А насколько заметна выдвижная радиомачта?

– Телескопическая антенна поднимается на скалистом склоне и со стороны моря наверняка сливается со скалами.

– А из глубины острова?

– Оттуда ее не видно вообще.

– Это хорошо. Ну, а запах? Сверху чувствуется запах выхлопных газов?

Разведчики переглянулись.

– В чем дело? – насторожился Мор.

– Я не почувствовал, а Шлоссер вроде унюхал.

– Я же моторист, – пожал плечами Альберт Шлоссер. – Я этот запах из тысяч других узнаю.

– Покажи на карте, где воняло выхлопом?

– Здесь.

– Все верно. Спасибо. Отдыхайте…

Отпустив разведчиков, он вооружился фонарем и прошелся по стометровому шурфу до выхода на поверхность. Снаружи выход из скалы был великолепно замаскирован под каменную породу.

Хайнц удовлетворенно кивнул. Подышав свежим морозным воздухом, он возвратился вниз, тщательно запер массивную стальную дверь и… наткнулся на Нойманна.

– Мы останемся без электричества? – испуганно зашептал тот.

– Не останемся.

– Но моторист унюхал на поверхности выхлоп!

– Сегодня Гюнтер – мой инженер-механик – изучал техническую документацию, найденную в сейфе, и кое-что выяснил.

– Да? И что же?

– Вы заметили течение в нашем внутреннем водоеме?

Судя по выражению лица профессора, он вообще не понимал, о чем речь.

Хайнц улыбнулся невнимательности врача и пояснил:

– Впервые я обратил внимание на течение, бросив в воду окурок. Его довольно резво потащило от грота к тупику с резиновым отбойником.

– Простите, не понимаю, – лихорадочно потер высокий лоб Нойманн.

– Я тоже не сразу догадался, – засмеялся подводник. – Дело в том, что от тупиковой стенки к соседнему заливу пробита неширокая подводная протока, по которой постоянно движется вода.

– Почему она движется?

– Из-за общего течения или благодаря перепаду уровней – пока не знаю. Но дело не в этом. Главное состоит в том, что строители этого бункера установили в протоке подводную электростанцию – несколько гребных винтов с генераторами. Ее документацию сегодня и обнаружил инженер-механик…

Команда обживала неуютный, мрачный и холодный бункер. Увы, но поначалу холод оставался главным неудобством нового жилища. После первой же ночи, проведенной на кровати в одной из офицерских комнат, Мор понял, для чего интенданты в Ростоке выдали его команде большое количество комплектов альпийского обмундирования. Утром он еле заставил себя вылезти из-под вороха прихваченной с лодки одежды. И тут же распорядился раздать людям теплые вещи, присовокупив к комплектам по одному лишнему одеялу из местного вещевого склада. Правда, через несколько дней механики разобрались с электростанцией и запустили ее в работу, что позволило использовать дизель-генераторы для обогрева жилых отсеков тепловыми вентиляторами. Это немного улучшило ситуацию с ночным отдыхом, однако для нахождения в рабочих помещениях морякам все равно приходилось надевать толстые свитеры…

Минули первые месяцы длительной вахты.

Нойманн ежедневно занимался своими секретными делами. Одну из казарм профессор моментально нарек «лазаретом» и зарезервировал его за собой и коллегами-врачами. Они долго возились с привезенными на подлодке металлическими частями странного вида и в конце концов собрали несколько десятков стальных цилиндров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.